

Александр МУСИН

КОЛОКОЛ СВЯТОГО ЮРА 6849 ГОДА: МЕЖДУ ЛЬВОВОМ, ПЛОЦКОМ, ПЕТЕРБУРГОМ И ТЕРЕБОВЛЕЙ

Чув дзвін, та не знає, де він
Українське прислів'я

История Свято-Юрского колокола во Львове и связанные с ней сюжеты не укладываются в рамки обычных "интерпретаций непрочитанных источников"¹. Она, скорее, служит примером истории, написанной на основе источников несуществующих. Здесь историографические догадки и их еще более вольные толкования замещают надежные известия о колоколе, прошлом Львова, Свято-Юрского монастыря и соответствующего исторического региона. Как в свое время заметил Юрий Дыба, "единою документальной загадкой щодо найдавнішого періоду історії монастиря і церкви св. Юра у Львові є короткий напис на святоюрському дзвоні 1341 (6849) р."². Однако эта надпись породила неослабевающее любопытство историков, краеведов и campanологов, стремящихся превратить результат своего любопытства в неисчерпаемый исторический источник. Подобное нечувствие к существенным различиям между историческими памятниками и историографическими сочинениями приводит к появлению опусов, которые скользят по поверхности ученых дискуссий. Их судьба – удовлетворять авторские амбиции и служить подсобным материалом для ангажированных версий локальной истории.

Эти вводные замечания касаются не только истории самого колокола, но и истории его изучения, связанной с накоплением информации о церковных древностях, в том числе и появлением их достоверных изображений. Будучи объектом материальным, колокол предполагал свою визуализацию в исследованиях, которая вплоть до 1888 г. ограничивалась разнообразными графическими прорисовками, рисунками и схемами. Лишь благодаря победе фотографического подхода при восприятии древности стало возможно достоверное представление о форме колокола и нанесенных на него надписях. Но и эти возможности были осознаны не сразу, а некоторые из них так и не были востребованы исследователями своего времени, оставаясь достоянием архивов.

1. Колокол святого Юра: история с фотографией

На рубеже XIX–XX в. колокол был известен в единственной фотографии и многочисленных рисунках, по-разному передающих особенности его формы и

¹Ср.: Александрович В. Волинськими слідами святого Володимира Великого: проблема та її історичне тло // Княжа доба: історія і культура. – Львів, 2016. – Вип. 10: Святий Володимир Великий 1015–1215 / Відпов. ред.

В. Александрович. – С. 258.

²Дыба Ю. Невикористані писемні свідчення про початки церкви св. Юра у Львові // Вісник Львівського університету. Серія мистецтвознавство. – Львів, 2005. – Вип. 5. – С. 151–159 (здесь с. 151).

размеры. Эта фотография лишь с одной стороны, сохранившая вид колокола, закрепленного на деревянном хомуте с помощью изящных железных очепов, появилась в альбоме Археологическо-библиографической выставки 1888–1889 гг., организованной в Ставропигийном институте во Львове³. Сам средневековый колокол занял важное место среди ее экспонатов. К этому времени он был хорошо известен общественности, а обстоятельства его создания вызывали дискуссию⁴.

Иначе обстояло дело в России, где ученый интерес к галицийским древностям, подкрепленный имперским панрусизмом, лишь зарождался. Колокол интересовал прежде всего филологов и палеографов из-за нанесенной на него датированной надписи, упоминающей исторические личности. Так, надпись указал Петр Кеппен (1793–1864)⁵. Она была известна и Измаилу Срезневскому (1812–1880) (“1341 г. Напись (sic!) на колоколе соборной Юрьевской церкви во Львове”)⁶. Судя по имеющейся в его труде ссылке (“*Czasop. zakł. hr. Ossolińskich*, 1831, № 4, S. 123”), исследователь был знаком с публикацией Бенедикта Левицкого⁷, но, как кажется, возражения на эту статью Варлаама Компаневича (1777–1858), знатока истории монастыря святого Юра и прокуратора базилианских монастырей в Галиции, остались ему неизвестны⁸. Он ввел в российскую историографию текст надписи, ставший впоследствии хрестоматийным, и описал

³ Шараневичъ И. Каталог археологическо-библиографической выставки Ставропигийского Института въ Львовѣ открытой дня 10 Октября 1888, а имѣющей быти закрытою дня 12 Января 1889 по н. ст. – Львов, 1888. – Фото III; Katalog archeologiczno-bibliograficznej wystawy Instytutu Stawropigiańskiego we Lwowie, otwartej dnia 10. października r. 1888., a mającej się zamknąć dnia 12. stycznia r. 1889. – Lwów, 1888. – Foto nr III. Ср.: Шараневич И. Отчет из Археологическо-библиографической выставки въ Ставропигийскомъ институте открытой 28 сент. (10 окт.) 1888 г., закрытой 16 (28) февр. 1889 г. и опись фотографически снятыхъ предметов из той же выставки. – Львов, 1889. См. также: Горда-Цибко О. “Археологічні” виставки 1885 та 1888–1889 і новий етап українського музейництва у Львові // Дрогобицький краєзнавчий збірник. – Дрогобич, 2014. – Вип. 17–18. – С. 235–247.

⁴ Первые публикации и дискуссию смотри, например, в: Lewicki B. Uwagi dotyczące się napisu ruskiego na dzwonie przy cerkwi metropolitalnej lwowskiej S. Jerzego Męczennika, a usuwające trudności z niego wynikłe // *Czasopism naukowy księgozbioru publicznego imienia Ossolińskich*. – Lwów, 1831. – R. 5, zesz. 4. – S. 123–136; *Kompaniewicz B. Uwagi nad rozmowaniem Lewickiego o dzwonie lwowskim w Czasop. Nauk. 1831 z odpowiedzią Lewickiego // Czasopism naukowy księgozbioru publicznego, imienia Ossolińskich*. – Lwów, 1834. – Rok 7, zesz. 1–3. – S. 41–48, 129–136, 241–247; *Zubrzycki D. Rys do historii narodu ruskiego w Galicyi i hierachij cer-*

kiewney w témże krolestwie. – Lwów, 1837. – Zesz. 1: Od zaprowadzenia Chrześcijaństwa na Rusi aż do opanowania Rusi Czerwonej przez Kazimierza Wielkiego od roku 988 do roku 1340. – S. 57–67; *Ego же*. Критико-историческая повесть временных лет Червонной или Галицкой Руси: От водворения христианства при князьях поколения Владимира Великого до конца XV ст. – Москва, 1845. – С. 78–87, прим. 44; *Ego же*. Аноним Гнезненский и Иоанн Длутош: латинские выписки из их сочинений, относящихся к истории Галичско-Владимирской Руси, за период от 1337 по 1387 г. – Львов, 1855. – С. 83–84.

⁵ Кеппен П. И. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии. – Москва, 1822. – С. 105.

⁶ Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков) // *Известия Отделения русского языка и словесности*. – Санкт-Петербург, 1863. – Т. 10, вып. 1. – С. 297; *Ego же*. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков): Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. – Санкт-Петербург, 1863. – С. 92; *Ego же*. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков): Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. – Санкт-Петербург, 1882. – Стб. 191.

⁷ Lewicki B. Uwagi... – S. 123–136.

⁸ *Kompaniewicz B. Uwagi...* – S. 41–48, 129–136, 241–247.

ее особенности, впрочем, не без огрешностей. Так, крестовидная инвокация была передана как “СХ/СИ АК/ІН”, что должно было указывать на ее зеркальное отображение при литье. За ней следовала надпись, предваряемая крестом, о котором автор не упоминает: “† ВЪ ЛЪ SWMΘ СОЛЪАНЪ БЫС КОЛОКОЛЪ СИІ СТУМУ ЮРЬЮ ПРИ КНАЗИ ДМИТРИІ ІГУМЕНОМ ЕВЪФИМЪЕМЪ”, размещенная, как известно, на главе колокола. В нижней части талии читалось: “ЪВОКЯ АРОКС ЪЛАСИП А”. Автор отметил, что последние четыре слова надобно “читать на оборот”: “а писалъ Скора Яковъ”. Зеркальность надписи не получила объяснения в ученом труде, что породило историографическое мнение о ее “тайнописном” характере.

И. Срезневский колокола не видел и имевшихся на тот час прорисей не опубликовал. Однако еще в 1872 г. колокол был осмотрен во время посещения Галиции графом Алексеем Уваровым (1825–1885), председателем Императорского Московского археологического общества и сыном отца известной формулы про самодержавие, православие и народность⁹. В своих записках, исполненных высокомерного пренебрежения к современному ему львовскому обществу и его культуре, граф сообщал, что “по важности этого памятника в палеографическом отношении” он “велел скульптору сделать снимок с этой надписи, и мы теперь, в первый раз, имеем в нем вполне верную копию”. При этом он не упомянул крест-инвокацию и предложил форму написания имени князя как “ДМИТРИИ”, отметив, что буква “зело” в слове “князь” также была передана зеркально. Однако несколько лет спустя, издавая записки, его вдова Прасковья Уварова (1840–1924) заметила: “К сожалению, я не нашла снимка, о котором говорит граф, и потому надпись пришлось воспроизводить по копии, сделанной графом”¹⁰. Очевидно, что “снимок”, заказанный скульптору, был ничем иным как оттиском в гипсе – распространенной в то время технологии копирования эпиграфических памятников. Похоже, П. Уварова ожидала найти фотографию, а нашла лишь гипсовую “копию”, в которой не опознала “снимок”, заказанный графом не названному львовскому скульптору.

Таким образом, достоверные снимки колокола не были известны в России конца XIX в., а став доступными – не заинтересовали ученую общественность. Этому появлению они обязаны Императорской Археологической Комиссии в Санкт-Петербурге¹¹, деятельность которой была связана, в частности, с реализацией проекта издания “русских вещевых надписей XI–XIV вв.”, инициированного 30 апреля 1894 г.¹² Этот проект, главным исполнителем которого был

⁹ Уваров А. С. Галиция. Археологические заметки // Его же. Сборник мелких трудов: издан ко дню 25-летия со дня кончины / П. С. Уварова (ред.). – Москва, 1910. – Т. 2: Статьи разного содержания. – С. 22–48.

¹⁰ Там же. – С. 37, прим. 1.

¹¹ Подробнее о деятельности комиссии и о проекте см.: Мусин А. Зимненская икона Божией Матери, ее первоначальный узор и украшения из коралла в европейской религиозной культуре // Культурна спадщина західноукраїнських земель. 2011, 2012. / Відпов. ред. В. Александрович. – Львів, 2018 (в печат-

ти). См. также: Императорская Археологическая Комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия / А. Е. Мусин (ред.-сост.), Е. Н. Носов (отв. ред.). – Санкт-Петербург, 2009. – Т. 1–2.

¹² О поручении И. А. Шляпкину составления описания древних настенных надписей, сохранившихся в Новгородских церквях (17 декабря 1894 г. – 24 февраля 1911 г.) // Рукописный отдел Научного архива Института истории материальной культуры РАН (далее – РО НА ИИМК РАН). – Ф. 1: 1894 г. – Д. 237.

Илья Шляпкин (1858–1918), также не осуществлен до конца и запланированное издание надписей не состоялось¹³.

Петербургский проект включал в себя исследование и издание эпиграфических памятников Западной Украины, в том числе и находившиеся в то время в пределах Австро-Венгерской империи. Кроме граффити из пещерного монастыря Бакота на Днестре, еще в 1891–1892 гг. изученных Владимиром Антоновичем¹⁴, Комиссию интересовала и надпись Свято-Юрского колокола как связанная с наследием Киевской Руси. Судя по известному контексту, проект преследовал, скорее, научные, нежели имперские цели.

Впрочем, начинание Археологической Комиссии, являвшейся подразделением Министерства Императорского двора, естественным образом получило государственную поддержку. Так, ежедневная газета “Правительственный вестник”, издаваемая в Санкт-Петербурге Главным управлением по делам печати при Министерстве внутренних дел, в № 114 за 1897 г. опубликовала извещение председателя Археологической комиссии графа Алексея Бобринского (1852–1921) о предполагаемом проекте издания надписей. Список эпиграфических памятников включал в себя и “соборный колокол церкви св. Юрия” во Львове, датированный 1341 г. Памятник был помечен “звездочкой”, что означало желательность получения Петербургом “точных снимков” с надписей, вне зависимости, были они опубликованы ранее или нет¹⁵. Сведения о надписях Комиссия просила прислать до 1 июля текущего года.

В последующей истории фотография колокола занимает особое место. Это не только единственное изображение, доставленное в Санкт-Петербург лицом, с Археологической комиссией непосредственно не связанным, но и снимок единственного памятника, полученный Комиссией из-за границ Российской империи, а также доставленный в ее столицу окольным путем – через один из губернских городов Царства Польского.

Советник Плоцкого губернского правления Григорий Воробьев 26 июня 1897 г. отправил в Комиссию фотографию колокола с одной стороны (рис. 1) и прориси нанесенных на него надписей (рис. 2)¹⁶, отмечая при этом, что вторая надпись (“внутри колокола”), а именно запись Якова Скоры, состоит из букв “в половину меньше”, чем “наружная”, основная надпись. Вместе с письмом от 5 сентября 1897 г. Г. Воробьев прислал фотографию колокола с другой стороны (рис. 3), как раз той, где читалось начало основной надписи и запись Якова. Размеры отпечатков составляют 17×22,5 мм и 17×24,5 мм. В своем письме Г. Воробьев выразил сожаления, что этот снимок не мог быть прислан до 1 июля, как об этом просила Комиссия¹⁷. Археологическая комиссия дважды, 4 июня и 13 сентября 1897 г., ответила благодарностями за подписью товарища председателя Комиссии Владимира Тизенгаузена¹⁸.

Стоит отметить, что в своей корреспонденции Г. Воробьев писал о фотографии и прориси сделанных “на сих днях, специально”, очевидно, “специально” для Комиссии. Сличение второй из присланных фотографий со снимком из альбома выставки 1888 г. свидетельствует, что речь идет об отпечатке с одного и того же негатива. Имел ли ввиду Г. Воробьев, что отпечаток с негатива

¹³ РО НА ИИМК РАН. – Ф. 1. – Д. 237. – Л. 21–22. См. также: Императорская Археологическая Комиссия... – Т. 1. – С. 132–133, 208, 860–863.

¹⁴ Там же. – Л. 149, 152 об., 162–164, 231,

232, 235, 245, 248 об.

¹⁵ Там же. – Л. 248 об.

¹⁶ Там же. – Л. 162–162 об, 163, 164.

¹⁷ Там же. – Л. 231, 232.

¹⁸ Там же. – Л. 167, 235.

Фотография Свято-Юрского колокола (1897 г.?).
РО НА ИИМК РАН. – Ф. 1. – 1894 г. – Д. 237. – Л.163

сделан специально для Комиссии, или же речь могла идти лишь о первом снимке, остается не ясным.

Добавим, что Тадеуш Шидловский (1883–1942) знал лишь об одном снимке. Он полагал, что негатив 1888 г. находился в собрании музея Львовского Ставропигиального братства и был вывезен российской оккупационной властью в 1915 г. Сам Т. Шидловский заказывал фотографию колокола для своего издания фотографическому ателье Тшемеского и Блаховского во Львове непосредственно из альбома 1888 г.¹⁹

На ключевой в этой истории личности Григория Александровича Воробьева (17 [29] мая 1860, Вологда – 18 [31] мая 1907, Варшава), “*spolonizowanym Rosjaninie*”²⁰, стоит остановиться подробнее²¹. Он окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью магистра богословия в 1884 г., которую получил за диссертационное сочинение о Московском церковном соборе 1681–1682 гг.²² Однако уже через пять лет после окончания академии он занимает должности светского чиновника российской оккупационной власти: в Плоцкой (1889–1897) и Ломжинской (1897–1907) губерниях, где был мировым гминным судьей I-го округа Остроленковского уезда и советником при губернском правлении, то есть занимал достаточно высокий, третий чин в губернской иерархии.

Впрочем, известность ему принесли интеллектуальные занятия: по собственному определению, содержащемуся в письме в Комиссию, – “изучение русско-польских древностей”. К сожалению, полная библиография его трудов, рассеянных в труднодоступных периодических изданиях, до сих пор не опубликована. Изначально он занимался персоналией российской литературы²³ и историей России эпохи Смутного Времени²⁴, возможно, не без внимания к роли Речи Посполитой в этих событиях. Однако со временем Г. Воробьев обратился к историко-краеведческим трудам, посвященным памятникам, преимущественно церковным, Ломжинской губернии, Мазовии, Кракова и Торуня. На их страницах сохранились важные историко-статистические данные об этих регионах, а также материалы по этнографии населения Крупьовской пуци²⁵.

¹⁹ *Badecki K.* Katalog dzwonów z przed r. 1600 // *Dzwony starodawne: z przed r. 1600 na obszarze b. Galicji / Oprac. K. Badecki, F. Kopera, T. Szydłowski, S. Tomkowicz.* – Kraków, 1922. – S. 37–95 (здесь s. 88–94).

²⁰ *Rybicki Cz.* Powstanie i działalność Oddziału Polskiego Towarzystwa Krajoznawczego w Łomży do 1918 r. // *Studia Łomżyńskie.* – Łomża, 2010. – Т. 31. – S. 27–45 (здесь s. 27, 35, 45).

²¹ *Worobjew, Grzegorz* // *Encyklopedia powszechna z ilustracjami i mapami / Wyd. S. Orgelbrand.* – Warszawa, 1903. – Т. 15: U–Yvon. – S. 494; Воробьев Г. А.: [некролог] // *Исторический вестник: историко-литературный журнал.* – Санкт-Петербург, 1907. – № 6; *Брянцева Т. П.* Воробьев Григорий Александрович // *Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь / Отв. ред. В. А. Дьяконов.* – Москва, 1979. – С. 108–109; *Gwardiak J.* Grigorij Worobjew – carski urzędnik, historyk ziemi łomżyńskiej, przyjaciel Polaków // *Rosjanie na północno-wschodnim Mazowszu w XIX wieku i pierw-*

szej połowie XX wieku. Studia i materiały / Red. M. Gnatowski. – Łomża 2009. – S. 271–273.

²² *Воробьев Г. А.* О Московском соборе 1681–1682 года: Опыт исторического исследования. – Санкт-Петербург, 1885; *Его же.* О Московском соборе 1681–1682 года: церковь и государство против старообрядцев. Изд. 2-е. – Москва, 2015.

²³ *Его же.* Константин Николаевич Батюшков: историко-литературный очерк. – Санкт-Петербург, 1887.

²⁴ *Его же.* Боярин и воевода князь М. Скопин-Шуйский // *Русский архив.* – Санкт-Петербург, 1889. – Вып. 8; *Его же.* Смутное время 1605–1613 // *Русский архив.* – Санкт-Петербург, 1892. – Вып. 1; *Его же.* К вопросу о происхождении т.н. первого самозванца // *Исторический вестник.* – Санкт-Петербург, 1898. – № 10.

²⁵ *Ejusdem.* Miasto Tykocin // *Pamiętnik III Zjazdu Historyków Polskich w Krakowie.* – Kraków, 1900. – S. 1–19; *Ejusdem.* Kafle z herbami i figurami w ścianach kościoła w Gąbinie //

Фотография Свято-Юрского колокола (1888 г.).
РО НА ИИМК РАН. – Ф. 1. – 1894 г. – Д. 237. – Л. 232.

Некоторые из его исторических и публицистических трудов были посвящены истории освободительной борьбы поляков конца XVII–XIX в. Так, он перевел и опубликовал записки участников Великопольского восстания 1794 г.²⁶, по своему пытался оценить ноябрьское и январское восстания 1830–1831 и 1863 гг. Г. Воробьев принимал участие в охране памятников польской архитектуры, например деревянного костела XVIII в. в Мышинце, и стал членом новообразованного Общества охраны памятников прошлого в Варшаве²⁷. Его смерть была нелепой и трагичной. В мае 1907 г., будучи в Варшаве, он остановился в отеле “Саксонский”, где ночью скончался от угарного газа – в отеле было печное отопление. После его кончины вдова передала собранную им коллекцию древностей в Ломжинский отдел Польского краеведческого общества.

Исследовательская судьба Г. Воробьева делает понятным его участие в присылке фотографий львовского колокола в Санкт-Петербург. Остаются непонятным, каким именно образом чиновник Плоцкой губернии получил изображение исторического памятника, находившегося на территории соседней империи. Впервые Г. Воробьев побывал во Львове в июне 1900 г. во время третьего съезда польских историков, проходившего в Кракове. В опубликованном очерке о поездке в “столицу Галицкой Руси” он сообщает, что от древней деревянной церкви, принадлежавшей базилианам, “остался, сохраняющийся в настоящее время на колокольне св. Юра, небольшой колокол со славянскими письменами, 1341 г.”. Дополнительно он пишет, что “снимок с него и с надписи сообщен нами императорской археологической комиссией”²⁸, не извещая о подробностях. Очевидно, эта информация носит ретроспективный характер и относится к событиям 1897 г. Впрочем, она вошла как в биографическую статью о Г. Воробьеве в энциклопедию С. Оргельбранда, так и заняла свое место в газетных некрологах²⁹.

Известно, однако, что уже в 1899 г. Г. Воробьев стал сотрудником Комиссии истории искусства Польской академии знаний (Komisja Historii Sztuki Akademii Umiejętności w Krakowie), а в 1903 г. был избран ее членом³⁰. Он

Sprawozdania Komisji do Badania Historii Sztuki w Polsce (далее – SKHS). – Kraków, 1900. – Т. 6. – С. ХСІ; *Ejusedm. Kurpiové // Slovanský přehled*. – Praha, 1901; *Ego же*. Три монографии: Церковь Успения Богородицы в Годышеве. Город Тыкоцин. Ян из Кольна, предместник Колумба. – Ломжа, 1901; *Ego же*. Описание памятников и остатков старинны Ломжинской губернии. – Ломжа, 1902.

²⁶ См.: Русская старина. – Санкт-Петербург, 1895. – № 10–12.

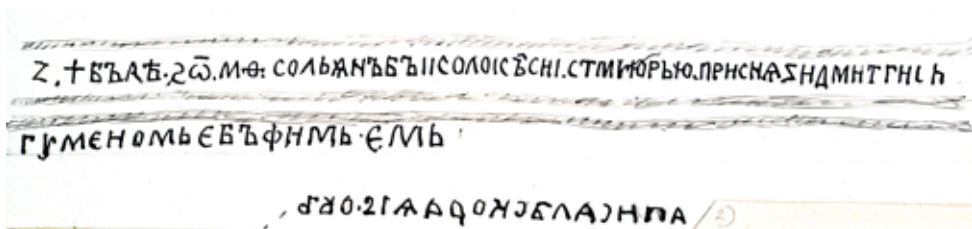
²⁷ *Musin A.* Osiemnastowieczny kościół drewniany Świętej Trójcy w Myszyńcu: ostatnia nadzieja // *Fines testis temporum. Studia ofiarowane Profesor Elżbiecie Kowalczyk-Heyman w pięćdziesięciolecie pracy naukowej / Red. M. Dzik, G. Śnieżko*. – Rzeszów 2017. – S. 149–174.

²⁸ *Воробьев Г. А.* В столице Галицкой Руси (историко-археологические очерки Львова) // Исторический вестник: историко-литературный журнал. – Санкт-Петербург, 1901. – Г. 22. – Т. 86 (октябрь). – С. 283–313 (здесь с. 286). Польский перевод см. в: *Ejusedm. W stolicy Rusi Halickiej (historyczno-ar-*

cheologiczny szkic o Lwowie) // Krakowskie Pismo Kresowe. – Kraków, 2013. – Nr 5: Kontekst rosyjski. – S. 153–177.

²⁹ “W roku 1897 Worobjew opisywał dla petersburskiej komisji archeologicznej dzwony w kościele unickim św. Jerzego we Lwowie”. См.: *Worobjew, Grzegorz // Encyklopedja...* – S. 494; *Goniec Czesłochowski – dziennik polityczny społeczny ekonomiczny i literacki*. – Czesłochowa, 1907. – Nr 125. – 10 maja. – S. 3; *Nowa Reforma (numer popołudniowy)*. – Kraków, 1907. – Nr 213.

³⁰ Материалы о сотрудничестве Г. Воробьева с Краковской комиссией см. в: *Rocznik Akademii Umiejętności w Krakowie, 1899–1907*. См. также в: *Archiwum Nauki Polskiej Akademii Nauk i Polskiej Akademii Umiejętności w Krakowie PAU W I-24 (Protokoly posiedzeń, 1897–1914, sz.k)*; *PAU W I-173 (Komisja Historii Sztuki; G. Worobjew. Ruiny zamku biskupiego i kościół parafiany w Broku; b.d., rkps., l. k. 3; plan 1; fot. Szt.5)*; *PAU W I-174 (Komisja Historii Sztuki; G. Worobjew, Materiały do zabytków na Mazowszu [z*

Прорись надписей на Свято-Юрском колоколе, 1897 г., И. Шараневич (?).
РО НА ИИМК РАН. – Ф. 1. – 1894 г. – Д. 237. – Л. 164.

принимал активное участие в заседаниях Комиссии и выступал с докладами, однако львовский колокол не попал среди избранных при этом сюжетах. Основными его темами стали готические костелы в Визне, Броке и на Мазовии, поливные плитки и деревянные церкви в Габине под Варшавой, церковь в Орше, а также оборонное зодчество региона и хоругвь, ставшая вкладом Петра Сапег в Борисоглебский монастырь под Ростовом в 1609 г.³¹ Нет исследований о колоколе и среди публикаций Г. Воробьева в изданиях комиссии³².

Таким образом, получив в 1897 г. фотографию колокола и прорись его надписи, Г. Воробьев так и не заинтересовался этим памятником. Стоит предположить, что его знания, касающиеся колокола, были весьма ограничены, а полученная информация – относительно случайна. Однако участие в проекте Императорской археологической комиссии было крайне важно для самого Воробьева. Именно его персональное сообщение могло стать основой биографической информации – получить ее составителям энциклопедии было практически не откуда, разве что из статьи самого Г. Воробьева в “Историческом вестнике”³³.

Все это позволяет предположить практически единственный сценарий. В 1897 г., когда отношения Г. Воробьева с Краковом и Комиссией истории искусства только начинались, он мог получить фотографии колокола лишь от единственного человека – И. Шараневича (1829–1901), действительного члена Историко-филологического отдела Краковской Академии с 1872 г. и консерватора Венской Императорско-королевской комиссии охраны памятников в Западной Галиции³⁴. Г. Воробьев мог с ним встречаться в Кракове или же достать фотографии через посредников. Самостоятельно Г. Воробьев сделать прорись с надписи, не осматривая колокол *de visu*, не мог: на первой фотографии колокол представлен лишь одной стороной с фрагментарно читаемой надписью. Очевидно, он также получил ее из Львова. В целом же факт появления

rycinami i fot.]: Andrzejowo, Bogusze, Jelonki, Łomża, Maków, Myszyniec, Niedźwiadana, Rosochate-Kościelne, Szczepanków, Rożan, Wąsosz, Wizna; 1900–1901, b.d, rkps., ryc., fot., szt., akwarele).

³¹ Rocznik Akademii Umiejętności w Krakowie (далее – RAUK): 1899/1900. – Kraków, 1900. – S. 68, 69; RAUK: 1900/1901. – Kraków, 1901. – S. 61; RAUK: 1901/1902. – Kraków, 1902. – S. 85, 86; RAUK: 1902/1903. – Kraków, 1903. – S. 55; RAUK: 1903/1904. – Kraków, 1901. – S. 77; RAUK: 1905/1906. – Kraków,

1906. – S. 67; RAUK: 1906/1907. – Kraków, 1907. – S. 77–78; *Sokołowski M., Worobjew G., Zubrzycki J.* Kościoły i cmentarze warowne w Polsce // SKHS. – Kraków, 1902. – T. 7, zes. 4. – S. 482; SKHS. – T. 7. – S. XXII.

³² Ср.: *Katalog wydawnictw Polskiej Akademii Umiejętności 1873–1947.* – Kraków, 1948. – T. 1: Wydawnictwa wydziałów filologicznego i historyczno-filologicznego, wydawnictwa specjalne i periodyczne / S. Mikucki (wyd.). – S. 63, 64, 67, 68, 70, 73.

³³ *Воробьев Г. А.* В столице... – С. 286.

³⁴ RAUK: 1901–1902. – S. 48, 67.

в Санкт-Петербурге львовских фотографий должен объясняться не столько персональными связями Воробьева, сколько трансграничной мобильностью интеллектуальной элиты польского общества, что во многом обеспечивало культурное единство нации “эпохи разделов”.

Как уже отмечалось, фотографии колокола так и не были в полной мере востребованы российской ученой общественностью. Впрочем, на своих лекциях в Санкт-Петербургском археологическом институте И. Шляпкин в числе прочих вещевых надписей с точной хронологией демонстрировал и надпись на Свято-Юрском колоколе, показывая при этом уже известные нам фотографии из архива Комиссии. В конспекте его лекций они значились как присланные “А. Г. Воробьевым”³⁵. Эта неточность могла быть не только “ошибкой памяти” или “ошибкой конспектирования”. В архиве Комиссии на обороте одной из фотографий еще в конце XIX в. была сделана приписка: “к письму А. Воробьева”³⁶, хотя в корреспонденции его имя было написано правильно.

Известно, что много лет спустя на основе материалов Императорской археологической комиссии в составе Свода археологических источников в СССР был издан корпус “русских датированных надписей XI–XIV вв.”, обычно ассоциируемый с именем Бориса Рыбакова³⁷. Существующие данные позволяют уточнить, что основной труд по составлению свода был выполнен московским археологом и эпиграфистом Альбиной Медынцевой. В этот корпус надпись львовского колокола не вошла, однако трудно предположить, что всеядному Б. Рыбакову она была неизвестна. Исключение львовской надписи из свода “русских надписей” стоит связывать с ее признаваемым в то время “украинством”, что вполне вписывалось в тогдашнюю национально-академическую политику советских властей в Москве и в Киеве. Это приводило к политически мотивированному разделению исследовательского труда между российскими и украинскими историками.

2. Колокол святого Юра: из Теревовли во Львов?

В истории изучения колокола существует один интересный эпизод. Если большинство российских исследователей уверены, что Свято-Юрский колокол изначально был отлит для соименного монастыря близ Теревовли и лишь впоследствии попал во Львов, то в украинской и польской науке “теревовальский” след, насколько нам известно, отсутствует³⁸. Однако ситуация “письменных источников” существенно отличается от ситуации “предания”, в том числе – и историографического.

³⁵ Шляпкин И. А. Палеография: Лекции, читанные в Императорском Санкт-Петербургском археологическом институте и стенографически записанные. – Санкт-Петербург, 1905. – С. 12; *Его же*. Русская палеография. По лекциям, читанным в Императорском Санкт-Петербургском археологическом институте. – Санкт-Петербург, 1913. – С. 38.

³⁶ РО НА ИИМК РАН. – Ф. 1. – Д. 237. – Л. 163 об.

³⁷ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV веков / Свод археологических источников Е1-44. – Москва, 1964.

³⁸ Badecki K. Katalog dzwonów z przed r. 1600 // *Dzwony starodawne...* – S. 88–94; Жолтовський П. М. Художне лиття на Україні

XIV–XVIII ст. – Київ 1973. – С. 6–8; Грамоти XIV ст. / Упорядк., вст. ст., ком. і слов.-показ. М. М. Пещак – Київ, 1974. – С. 22–23. – № 7 (с ранней историографией); Жолтовський П. Н. Колокола на Україні // Колокола. Історія і сучасність / Б. В. Раушенбах (отв. ред.). – Москва, 1985. – С. 163–168 (здесь с. 163); Дзвін собору св. Юра // Енциклопедія Львова / Ред. А. Козицький. – Львів, 2008. – Т. 2: Д–Й. – С. 53; Сукач С. І. Українська колокольна историографія: очерки колоколотейного искусства. – Сумы, 2009; Кіндратюк Б. Д. Дзвонарська культура України. Монографічне дослідження (Історія української музики. – Вип. 19: Дослідження). – Івано-Франківськ, 2012. – С. 193–194.

Одно из древнейших свидетельств о колоколе должно быть отнесено к 1685 г., связано с именем епископа Иосифа (Шумлянського) (1648–1708) и сохранилось в его фундушевой записи Свято-Юрскому монастырю. Здесь говорится, что колокол, которому в том году “исполнилось” 344 года, “древность сего места (т.е. монастыря – А. М.) покажет”. Ввиду уникальности епископ налагает запрет на использование колокола без специального архиерейского разрешения³⁹. Насколько нам известно, нет никакого упоминания о “теребовальском” колоколе и в тексте визитации 1765 г.⁴⁰

Похоже, первым, кто внес в письменную традицию устную молву был каноник Б. Левицкий, который без ссылки на какой-либо источник написал, что в его время колокол был всем известен под именем “теребовальского”. Впрочем, сам он связывает появление этого наименования с перенесением во Львов иконы Божией Матери из Теребовльского “замка”, что, как мы увидим ниже, может быть признано справедливым⁴¹.

Однако всеобщее убеждение или заблуждение всегда производило на читающие умы сильное впечатление. Через 30 лет Ян Ступницкий в своем исследовании, посвященном колоколу, напишет, что тот упоминается как теребовальский “в инвентаре” (sic!), поскольку в “1673 г.”⁴², когда татары вторглись в Украину, он был перенесен в месте с византийской иконой Божией Матери из базилианского монастыря в Теребовле во Львов, что и дало ему соответствующее имя⁴³. Ссылка на инвентарь отсутствовала. Имел ли Я. Ступницкий ввиду конкретный архивный документ, остающийся нам неизвестным, или обосновал его изобретением “всеобщую” молву, упомянутую Б. Левицким, остается непонятным.

Именно эту версию озвучил в российской историографии граф А. Уваров. Пользуясь текстом Я. Ступницкого как источником, он писал о происхождении колокола из монастыря святого Георгия близ города Теребовля и Евфимии как теребовальском игумене, ссылаясь при этом на некую “опись имущества львовского собора св. Георгия”, в которую колокол был якобы внесен вместе с иконой⁴⁴. При этом он дает удивительные подробности осады монастыря, находящегося не в самой Теребовле, а на территории пригородного леса, в частности, утверждая, что при разорении монастыря погибли все документы об этом

³⁹ Львівська національна наукова бібліотека України імені Василя Стефаника. – Відділ рукописів (далее – ЛНБ ВР). – Ф. 3 (Бібліотека монастирів василіян). – Оп. 1. – Спр. 373.

⁴⁰ [Kompaniewicz B.] Księga dziejów czyli historyje z dyspozycyi i rozkazu przewielebnych przełożonych prowincyi ruskiej zakonu świętego Bazylego W[ielkiego] w monasterze Lwowskim pod tytułem świętego Jerzego Męczennika... / Wyd. L. Zieliński // Pamiętki historyczne krajowe / Wyd. L. Zieliński. – Lwów, 1841. – S. 75–108 (здесь s. 78, 79, 88); Urzędowa Wizja Cerkwi i monasteru S. Jerzego Męczennika we Lwowie, na żądanie OO. Bazylianów tegoż Monasteru, przedsięwzięta ze strony Magistratu miasta Lwowa dnia 12 lipca 1765 roku / Oprac. A. S. Petruszewicz // Przegląd Archeologiczny. – Lwów, 1883. – S. 130; *Badeczki K. Katalog dzwónów...* – S. 89.

⁴¹ “Z samej nazwy: dzwon trembowelski (pod którą pospolicie teraz dzwon ten jest wiadomym), powyższego wniosku robić nie považalem się, z przyczyny iż dawniejszych czasów, ta nazwa dzwonu owego – zapewnie z czasów dopiero przeniesienia obrazu Bogarodzicy, z zamku trembowelskiego do cerkwi tutejszej S. Jerzego, za buskupa Szumlańskiego okolo r. 1690. pochodząca – wciałe wiadomą nie była”. См.: *Lewicki B. Uwagi...* – S. 127.

⁴² Издатель журнала Антон фон Пепрег исправляет Я. Ступницкого: 1675 г.

⁴³ *Stupnicki J. Historische Notiz über eine alte bei der Lemberger gr. Kath. Domkirche befindliche Glocke // Mitteilungen der K.K. Central-Kommission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale.* – Wien, 1866. – Jahrgang 11. – S. LXXXIX–XCI.

⁴⁴ *Уваров А. С. Галиция.* – С. 36–38.

колоколе, предшествующие 1675 г. Для обоснования своей версии А. Уваров ссылается на сведения Мечислава Потоцкого⁴⁵, однако последний пишет лишь о руинах базилианского монастыря близ Теробовли без каких-либо подробностей, а сведения о колоколе и конкретных датах отсутствуют вовсе. В целом же для графа упоминание в надписи имени князя Дмитрия и именование колокола “теробовльским” являлось “гарантом” его связи с историей Червонной Руси и, соответственно, – России.

Малоизвестная заметка А. Уварова лишь опосредованно оказала влияние на российскую историографию. Непосредственным источником вдохновения при этом послужил историко-библиографический труд Александра Орлова (1871–1947), составленный еще в середине 1930-х годов, который без колебаний назвал памятник “теробовельский колокол”⁴⁶. Среди ссылок можно увидеть уже известные нам работы П. Кеппена, Б. Левицкого, Д. Зубрицкого, Я. Ступницкого, И. Срезневского и А. Уварова, а также Михаила Грушевского, впрочем, лишь ради иллюстрации предмета (о оценке – плохой)⁴⁷.

Это утверждение стало общим местом российской компанологии. Даже в статьях профессиональных источниковедов можно встретить безапелляционные утверждения о “Святоюрском (Теробовльском) колоколе”, названным так по монастырю Св. Юрия “близ Теробовля” и отлитым “мастером Иваном (sic!) Скорой”, причем кириллическая надпись, согласно автору, выполнена “тайнописью”⁴⁸. У работающих в жанре автоплагиата, читаются взаимоисключающие сведения о колоколе, иногда под одной обложкой: колокол, происходящий из Георгиевского монастыря в Теробовале и созданный повелением теробовольского игумена страницей позже оказывается отлитым “для львовской церкви св. Юра”⁴⁹.

Итак, у нас нет оснований говорить о существовании в Теробовле в XIV в. монастыря, посвященного святому Георгию⁵⁰, для которого мог быть отлит колокол святого Юра. Если исключить допущение, что эпитет “теробовальский” мог относиться к иному колоколу на Свято-Юрской звоннице и лишь случайно был отождествлен в XIX в. с колоколом игумена Евфимия 6849 г., то стоит задаться вопросом, почему львовский колокол почтенной древности получил имя соседнего города.

⁴⁵ *Bauer Th.* Aus dem Berichte des k.k. Conservators Mieczyslaw Ritter v. Potok-Potocki // Mitteilungen der K.K. Central-Kommission zur Erforschung und Erhaltung der Baudenkmale. – Wien, 1869. – Jahrgang 14. – S. XCII–XCIII (здесь S. XCIII).

⁴⁶ Орлов А. С. Библиография русских надписей XI–XV вв. – 2е изд. – Москва; Ленинград, 1952. – С. 87–88. – № 123. Ср.: *Его же*. Библиография русских надписей XI–XV вв. – Москва; Ленинград, 1936.

⁴⁷ Грушевский М. С. Иллюстрированная история Украины. – Киев, 1913. – С. 136.

⁴⁸ Полехов С. “Колокол Шедибора Волимонтовича” – экспонат Музея древностей при Виленской публичной библиотеке // *Kova dėl istorijos: Vilniaus senienų muziejus (1855–1915). Mokslo straipsnių rinkinys.* – Vilnius, 2015. – С. 425–432 (здесь с. 428). Автор ссылается на издание надписи в книге:

Українські грамоти XV ст. / Упор. М. М. Пещак. – Київ, 1965. – С. 22–23. – № 7. Однако такой публикации не существует. Здесь механически объединены два различных издания: Украинські грамоти XV ст. / Підготовка тексту, вступна стаття і коментарі В. М. Русанівського. – Київ, 1965; Грамоти XIV ст. / Упорядк., вст. ст., ком. і словпоказ. М. М. Пещак. – Київ, 1974. Надпись опубликована в издании 1974 г.

⁴⁹ Бондаренко А. Ф. История колоколов России XI–XVII вв. – Москва, 2012. – С. 199–201. – Рис. 52; *Его же*. Из истории колоколов России: избранные труды по отечественной кампанологии. – Москва, 2014. – С. 103–106, 187–188.

⁵⁰ Ср.: *Крип'якевич І.* Середньвічні монастирі в Галичині. Спроба каталогу // *Записки Чина св. Василя Великого.* – Жовква, 1926. – Т. 1, вип. 1–2.

Прежде всего, теребовальский колокол во Львовской земле не одинок. Известны и другие. Так, в кармелитском монастыре святой Анны в селе Соседовичи (Старосамборский район, Львовская область, Украина) опись конца XVIII в. так же упоминает "dzwon "trembowelski", который, согласно предположению некоторых исследователей, происходит из обители кармелитов в Теребовле⁵¹. Впрочем, доказательства такого происхождения в публикации отсутствуют и история соседовического колокола могла быть "сконструирована" по аналогии с колоколом львовским, которую мы и предполагаем распутать.

Представляется, что ответ о причине именовании львовского колокола "теребовальским" можно получить при знакомстве с европейским благочестием и литургикой, связанными с созданием и использованием колоколов. Колокольный звон в христианской традиции рассматривался как продолжение молитвы, а сам колокол – как источник такой молитвы. Надписи на колоколах могли содержать как призывы к святым, так и призывы к самим колоколам: oga rgo nobis⁵². История знает наречение имен колоколам, крещение колоколов как средство их антропоморфизации и экзорцизма – "мистического" очищения металла⁵³, их посвящение Божией Матери и святым⁵⁴. Одной из форм такой персонификации и посвящения были оттиски разнообразных знаков пилигримов на формах отливки колоколов, известные прежде всего в Германии. Этим достигалось перенесение на колокол благословения места паломничества, что служило дополнительным способом освящения, хотя при этом не исключались и утилитарные цели: свинцовые значки со священными изображениями могли добавляться к колокольной бронзе в процессе утилизации сакральных предметов и в целях переиспользования свинцового сырья⁵⁵. С учетом известных практик логично предположить, что свое необычное имя самый древний и почтенный колокол Львова получил в результате посвящения Теребовальской иконе Матери Божией. Без сомнения, он встречал ее своим звоном в 1675 г. В честь спасения образа от неверных колокол и обрел свое название, запутавшее современную историографию.

3. К вопросу о дате колокола святого Юра.

Представляется, что дата отливки колокола, как она закрепились в историографии, также нуждается в дополнительном осмыслении. В 1765 г., согласно

⁵¹ Derwich M., Wojciech W. *Dziedzictwo kulturowe po klasztorach skasowanych na ziemiach dawnej Rzeczypospolitej oraz Śląsku w XVIII i XIX w.: losy, znaczenie, inwentaryzacja Narodowy Program Rozwoju Humanistyki* (2012–2016): http://pw.kasaty.pl/pl/mobilium/Mobilium/2834.html?search_params%5Bsearch%5D=s%5C4%85siadowice&search_params%5Bpage%5D=&idx=5 (*докумтн*: 15 *азычма* 2018 г.). Ср.: Betlej A. *Kościół p. w. św. Anny i klasztor oo. Karmelitów w Sasiadowicach* // *Materiały do dziejów sztuki sakralnej na ziemiach wschodnich dawnej Rzeczypospolitej* / Redakcja naukowa Jan K. Ostrowski. Część 1: *Kościół i klasztor rzymskokatolickie dawnego województwa ruskiego*. – Kraków, 1997. – Т. 5. – S. 232.

⁵² Favreau R. *Études d'épigraphie médiévale: recueil d'articles de Robert Favreau rassemblés à l'occasion de son départ à la retraite* / W. Koch

(éd.). – Limoges, 1995. – Vol. 1. – P. 438–439. Ср.: Gonon T. *Les cloches France au Moyen Age: archéologie d'un instrument singulier*. – Paris, 2010.

⁵³ Gonon T. *Les noms des cloches au Moyen Age* // *Patrimoine campanaire: Revue francophone de campanologie*. – La Garenne-Colombes, 2006. – N°52–53. – P. 1–11; Pomel F. *Pour une approche littéraire des cloches et horloges médiévales: réflexions méthodologiques et essai de synthèse* // *Cloches et horloges dans les textes médiévaux* / F. Pomel (dir.). – Rennes, 2012. – P. 9–32 (здесь p. 20).

⁵⁴ Young B. *A Medieval Bell* // *The Metropolitan Museum of Art Bulletin*. New Series. – New York, 1953. – Vol. 11. – No. 10. – P. 293–296.

⁵⁵ Oefelein C. *The signs – and bells – of mass pilgrimage* // *Mobs. An interdisciplinary inquiry* / N. van Deusen, L. M. Koff (eds.). – Leiden, 2012. – P. 231–268. Cf. Oefelein C.,

протоколу Львовского магистрата, касающегося описи визитации собора святого Юра, связанной с конфликтом базилиан и епископа из-за строительства дворца⁵⁶, ксендз Иаков из ордена тринитариев традиционно вычел 5508 из 6849, года отливки колокола от сотворения мира. Получился год 1341 от Рождества Христова⁵⁷. В польской историографии, где историю правления Казимира Великого во Львове начинали с 1340 г., эту дату посчитали недостоверной, поскольку надпись усваивала власть в городе в 1341 г. не королю Казимиру, а князю Дмитрию. Поэтому Б. Левицкий прочел го как 6800 (SW) = 1292 г., а МӨ – как девятый месяц мартовского года, т.е. ноябрь⁵⁸. Такое “согласование” восточноевропейского летосчисления с официальной версией польской истории не получило поддержки как не выдерживающее критики.

При научной оценке 6849 г. как даты отливки колокола стоит исходить из того, что в XIV в. в местном обиходе еще употреблялся мартовской, а не сентябрьский календарь. Однако был ли этот календарь собственно мартовским или ультрамартовским? В первом случае колокол мог быть отлит в период с марта 1341 по февраль 1342 г., во втором случае этот период простирается с марта 1340 по февраль 1341 г.

Факт использования ультрамартовского стиля книжной элитой Галицко-Волынской земли, как кажется, известен. Однако он не заинтересовал исследователей. Так, в списках Кормчей волынского извода сохранилась запись, сообщающая об изготовлении копии Номоканона по заказу княжеской четы Владимира Васильковича и Ольги Романовны: “в лето 6794 списан бысть си номоканон боголюбивым князем Владимиром, сыном Васильковым, внуком Романовым, и боголюбивою княгинею Ольгою Романовною. Аминь рекше конец, Богу нашему слава во веки аминь. Пишущим же нам сия книги, поехал господин наш к Ногаеви, а госпожа наша оставь у Владимире, зане баше немощию утонила люта зело, того ради немощно бысть ей проводить его”⁵⁹. Традиционно

Oefelein R. Pilgerspuren auf mittelalterlichen Glocken in Brandenburg. – Berlin, 2012. По поводу изображений паломнических инсигний на колоколах см.: *Liebeskind P.* Pilger- oder Wallfahrtszeichen auf Glocken // Die Denkmalpflege. – Berlin, 1904. – Bd. 6. – S. 53–55; 1905. – Bd. 7. – S. 117–120, 125–128; 1907. – Bd. 9. – S. 56; *Hrdina J., Brumme C., Kühne H.* More Pragensi? Die Prager Pilgerzeichen, die Jubiläumsnachfeiern 1393-1397 und die Pilgerzeichen mit Wappen am Ausgang des Mittelalters // Von Kirchen und Burgen Gedenkschrift für Günter Hummel / A. Hummel, V. Schimpff, H.-J. Beier (Hrsg.). Beiträge zur Frühgeschichte und zum Mittelalter Ostthüringens. – Langenweißbach, 2016. – Bd. 7. – S. 93–122; *Hummel G., Löwe B., Reinhold F.* Pilgerzeichen auf Glocken in Ostthüringen unter besonderer Berücksichtigung von Altenburg // Auf der Wege zur mittelalterlichen Stadt in Thüringen / Hans-Jürgen Beier, Peter Sachenbacher, Volker Schimpff (Hrsg.). Beiträge zur Frühgeschichte und zum Mittelalter Ostthüringens. – Langenweißbach, 2014. – Bd. 5. – S. 245–253; *Köster K.* Meister Tilman von Hachenburg. Studien zum Werk eines

mittelrheinischen Glockengießers des 15. Jahrhunderts mit besonderer Berücksichtigung der als Glockenzier verwendeten Pilger- und Wallfahrtszeichen // Jahrbuch der hessischen kirchengeschichtlichen Vereinigung. – Darmstadt, 1957. – S. 79–86; *Brumme C.* Pilgerzeichenabgüsse auf der Glocke von Wittgendorf // Alltag und Frömmigkeit am Vorabend der Reformation in Mitteldeutschland, Katalog zur Ausstellung Umsonst ist der Tod / Kühne H., Bünz E., Müller Th. T. (Hrsg.). – Petersberg, 2013. – S. 215–217; *Kühne H., Losche H.* “Wir sind noch da” – spätmittelalterliche Pilgerzeichen auf einer Glocke der St.-Blasii-Kirche in Nordhausen // Beiträge zur Geschichte aus Stadt und Kreis Nordhausen. – Nordhausen, 2009. – Bd. 34. – S. 139–151.

⁵⁶ *Wereda D.* Biskupi unickiej metropolii kijowskiej w XVIII wieku. – Siedlce; Lublin, 2013. – С. 230.

⁵⁷ *Urzędowa Wiza...* – S. 130; *Acta Officii Juris fidelium od r. 1763–1769.* – T. 37. – S. 293–297. См.: *Badecki K.* Katalog dzwonów. – S. 90.

⁵⁸ *Badecki K.* Katalog dzwonów. – S. 90

⁵⁹ Известны различные редакции выходной записи, см.: *Щанов Я. Н.* Византийское и

считается, что 6794 Anno Mundi записи соответствовал мартовскому году Anno Domini, т.е. периоду с марта 1286 г. по февраль 1287 г. Более того, вслед за М. Грушевским исследователи полагают, что эта информация, как и сама дата, имеют независимое подтверждение в Галицко-Волынской хронике.

Так, летописец сообщает, что “пришедшоу оканьномуу и безаконноу Ногаеви и Телебоузь с нимъ на Оугры в силѣ тяжьцѣ во бешисленомъ множествѣ, вѣлѣша же с собою поити Роускимъ княземъ Лвови, Мьстиславоу, Володимѣроу, Юрьи Лвовичѣ. Володимеръ же бяше тогда хромъ ногою и тѣмъ не идяше зане бысть рана зла на немъ, посла рать свою съ Юрьемъ сыновцемъ своимъ. Тогда бо бяхоуть князи Роусции в воли Татарьской, и тако поидоша вси токмо и одинъ Володимѣръ остася зане бысть хромъ”. Через год летопись, в рамках взаимосвязанных сюжетов, повествует: “хоташоу поити оканьномуу и безаконному Телебоузь на Ляхы и собравшоу емоу силоу многуоу забывшоу емоу казни Божий еже сбьса над нимъ во Оугрѣхъ о немже передѣ сказахомъ и приде к Ногаеви... Телебоуга же посла ко Заднѣпрѣскимъ княземъ и ко Волыньскимъ ко Лвови и ко Мьстиславоу и к Володимѣроу веля имъ поити с собою на воиноу”. Князья не послушали правителя Орды и в рамках средневекового ритуала отправились чествовать его в ключевых пунктах пути: “пришедшоу же емоу к Горинѣ и срете и Мьстиславъ с питьемъ и з дары, и поиде оттолѣ мимо Кремьянѣцъ ко Перемилю тоу и срѣте Володимеръ князь с питьемъ и с дары на Липѣ, и посемъ оугони Левъ князь ко Боужьковичемъ и с питьемъ и с дары”⁶⁰. Эти события датируются в Ипатьевской летописи 1282–1283 гг., но даты не соответствуют действительной истории Восточной Европы: поход в Венгрию должен быть отнесен к 1285 г., а в Польшу – к 1286 г. Именно со вторым походом и связывали изготовление Кормчей 6794 г. и поездка князя Владимира Васильковича к ордынскому правителю, якобы подтвержденная летописью⁶¹.

Однако такая интерпретация событий выглядит явной натяжкой – в 1286/1287 г. князь Владимир отправлялся на встречу к хану Телебуге. В связи с этим высказывались предположения, что поездка к Ногаю в этом году могла не попасть в поле зрения летописца, поскольку была связана не с военным походом, а с вопросами наследования власти от Владимира Васильковича Мстиславу Даниловичу, на что, якобы, требовалось согласие хана, или же с предполагаемой сменой власти в Орде в 1286 г., что предполагало возобновление ярлыков-инвеститур⁶².

Обратимся к самой летописи. Хронист не только говорит, что князь Владимир ходил с дарами не к Ногаю, а Телебуге, но и подчеркивает, что первый

южнославянское правовое наследие на Руси XI–XIII вв. – Москва, 1978. – С. 207, 209–213, 248–270; Смокина Н. П., Смокина Н. Н. Вновь найденный фрагмент древнего Евангелия // Изучение русского языка и источниковедение. – Москва, 1969. – С. 68; Юшков С. В. Устав св. Владимира: историко-юридическое исследование / Ред. О. И. Чистяков. – Москва, 1989. – С. 55.

⁶⁰ Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – Санкт-Петербург, 1908. – Т. 2. – Стб. 888 [6790 (1282)], 892 [6791 (1283)].

⁶¹ Грушевський М. Хронологія подій галицько-волинського літопису // Записки

Наукового товариства імені Шевченка. – Львів, 1901. – Т. 41. – С. 1–72 (здесь с. 52–53).

⁶² Панишко С. До питання про поїздку Володимира Васильовича в Орду у 1286 р. // Волинська книга: історія, дослідження, колекціонування. Науковий збірник. – Острог, 2005. – Вип. 1. – С. 109–113; Його ж. Поїздка волинського князя Володимира Васильовича до Ногая у 1286 р. // Київська старовина. – Київ, 2007. – № 2(374). – С. 3–16; Селезнев Ю. В. Элита Золотой Орды. Научно-справочное издание. – Казань, 2009. – С. 188–189, 192; Его же. Русские князья в политической системе Джучиева улуса (Орды). Дисс... док. ист. наук. – Воронеж, 2014. – С. 236.

пошел на Польшу не через Волынские, а Галицкие земли: “Ногаи же оканьнии не иде с Телебоугою в Ляхы одиною дорогою занбысть межи има нелюбие велико но иде своею дорогою на Перемышль”⁶³. Встреча Владимира и Ногая во время этого похода практически исключена, хотя она, согласно выходной записи Кормчей, определенно относится к 6794 г.

Есть ли возможность уточнить последовательность событий на Волыни середины 1280-х годов и уточнить дату Волынской Кормчей? Итак, поездка князя Владимира к Ногаю в 6794 г. вряд ли была связана с походом Телебуги на Польшу, который, обачно, относят к декабрю 1286 – январю 1287 гг., поскольку в польских источниках он датируется именно последним годом. М. Грушевский предлагает и ряд точных дат. Согласно построениям историка, татары ушли из-под Владимира “по Микоулинъ дни наутриі”. В то же время он полагает, что “коло Володимира вони товклися близько тиждень (“в недѣлю же минуша город” – треба тут розуміти “недѣлю” як тиждень, бо день недѣля не припадала на 7 грудня ані в сім, ані в сусідніх роках) і рушили далі 7 грудня”⁶⁴.

Это утверждение представляется спорным. Нам неизвестно средневековое употребление слова “неделя” в его современном значении. Фраза “в недѣлю же минуша городъ по Микоулинъ дни на завтри день Богъ избави своею волею и не взАша города”⁶⁵ воспринимается однозначно: воскресение, 7 декабря, поскольку “Николин день” для этой эпохи, безусловно, 6 декабря, а не 9 мая, которое входит в литургическую моду позже⁶⁶. Более того, несложные расчеты указывают, что М. Грушевский ошибался в своем календаре: память свт. Николая 6 декабря приходилась на субботу 1287 г., тогда как неделя на завтрашний день после Николина дня – это 7 декабря 1287 г., память свт. Амвросия Медиоланского. Таким образом, поход Телебуги и Ногая на Польшу начался в конце 1287 г., как об этом свидетельствуют польские хроники⁶⁷.

Итак, Волынская кормчая 6794 г. никак не могла быть написана в период поездки Владимира Васильевича к хану Телебуге перед походом на Польшу: это поход в действительности состоялся уже после ее списания. У нас остается две возможности для определения времени ее создания: март–декабрь 1286 / январь–февраль 1287 гг. и март–декабрь 1285 / январь–февраль 1286 гг., если счет был ультрамартовским. В связи с этим стоит предположить, что князь Владимир Васильевич был вынужден ехать к самому Ногаю, дабы оправдаться в

⁶³ Ипатьевская летопись. – Стб. 894–895.

⁶⁴ Грушевський М. Хронологія... – С. 53.

⁶⁵ Ипатьевская летопись. – С. 892.

⁶⁶ Об этом см.: Musin A. Le “second avènement” de saint Nicolas: les origines du culte d’un saint et sa transformation en Europe de l’Est du XIe au XVIe siècle // En Orient et en Occident: le culte de saint Nicolas en Europe (Xe–XXIe siècle), Actes du colloque de Lunéville et Saint-Nicolas-de-Port, 5–7 décembre 2013 / V. Gazeau, C. Vincent, C. Guyon (dir.). – Paris, 2015. – P. 195–226.

⁶⁷ Отметим, что Юрий Селезнев также датирует ордынский поход на Польшу 1287–1288 гг., однако мы не нашли в его труде обоснования этой даты. См.: Селезнев Ю. В. Русские князья... – С. 237, 381, 392. Присутствующие здесь ссылки на литературу (Ве-

селовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды и его время // Записки Российской академии наук. – Петроград, 1922. – 8 сер., т. 13, № 6. – С. 1–58; в действительности о походах в Венгрию и Польшу – С. 30–37), и в особенности на новейшую (Ахмедова А. О., Муртузалиев С. И. Татаро-монголы в Болгарских землях (XIII–XIV вв.) // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир: сборник тезисов XVII конференции памяти В. Д. Королюка. – Москва, 1998. – С. 10–12; Шетля В. М. Борьба Польского государства с вторжениями татаро-монгольских войск // Славяне... – С. 149–151), неспособны ничего объяснить и не избавляют автора от необходимости обоснования своей хронологии. Венгерский поход также смещен в это построениях на один год: 1286–1287 г.

своём отсутствии во время венгерского похода. Эта поездка не попала в летопись, однако известие о ней сохранилось в выходной записи Кормчей. Стоит предположить, что 6794 г., указанный в Номоканоне, это конец 1285 г. – начала венгерского похода согласно построениям историков. Польский поход мог отстоять от венгерского не на один, а на два года.

Если наше предположение справедливо, то в пределах Галицко-Волинской державы в конце XIII в. могли использовать ультрамартовский стиль. Это не позволяет исключить вероятность изготовления колокола святого Юра в период с марта 1340 г. по февраль 1341 г. Однако такая возможность представляется маловероятной. Очевидно, что отливка колокола во Львове стала возможно после прекращения походов короля Казимира и стабилизации военно-политической обстановки после 1340 г.

Хронология львовских событий 1340–1341 гг. восстановлена М. Грушевским⁶⁸. Эту событийную канву мы принимаем за основную. Несомненное участие в отливке колокола европейского мастера, прибывшего для этой цели во Львов и воспользовавшегося навыками кириллического письма Якова Скоры, более соответствует ситуации 1341 г. Это находит подтверждение и в грамоте Дмитрия Дядко от февраля-июня 1341 г., адресованной магистратам и купцам Торуня с приглашением беспрепятственно приезжать во Львов в связи с примирением с королем Казимиром⁶⁹. Возможно, мастер колокола прибыл в город вместе с этой волной купцов и ремесленников, вдохновленных новыми обстоятельствами.

Представляется, что такая волна способствовала и притоку капитала во Львов и Львовскую землю, который мог быть употреблен на создание колокола. Поступление пражских грошей в это время зафиксировано кладами из Львова (ул. Клепарівська, 17), Калуща⁷⁰ и Демидова на Днестре (Молотовский клад)⁷¹, попавшими в землю не позднее 1340-х годов. Для этих кладов с эмиссиями Карла I и Вацлав II характерно преобладание монет Яна I Люксембургского⁷². Очевидная роль Львова и Галицкой земли как транзитного пункта в потоке европейского монетного серебра на восток в это время подтверждается и находкой двух обрезанных пражских грошей Яна I Люксембургского на территории села Польшый Мукаров (Дунаевецкий р-н, Хмельницькая обл.) совместно с медной монетой хана Узбека (1313–1341) и перстнями с “галицькими геральдическими емблемами”, т.е., очевидно, – изображениями птиц⁷³. В условиях поступления европейского

⁶⁸ *Грушевський М.* Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. – Львів, 1905. – Т. 4: XIV–XV віки – відносини політичні. – С. 22–30.

⁶⁹ *Кутчинський О.* Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV століть: Дослідження. Тексти. – Львів, 2004. – С. 194–200. – № 13.

⁷⁰ *Рожко М.* Празькі гроші на теренах Львова у першій половині XIV століття (За матеріалами археологічних розкопок) // До джерел. Збірник наукових праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. – Київ; Львів, 2004. – Т. 1. – С. 619–636; *Мацкевий Л. Г.* Археологічні пам'ятки Львова. – Львів, 2008. – С. 112, 136–138. – Рис. 128–131.

⁷¹ *Грушевський М. С.* Молотівське срібло: Археологічна замітка // Його ж. Твори: В 50 т. – Львів, 2004. – Т. 6. – С. 301–366.

⁷² *Козубовський Г. А.* Празькі гроші XIV–XV ст. з археологічних пам'яток України // Археологія. – Київ, 2010. – № 4. – С. 60–69 (здесь с. 63, 64); *Його ж.* Про шляхи надходження пражських грошей до Східної Європи (XIV–XV ст.) // Український історичний журнал (далі – УІЖ). – Київ, 2012. – № 5. – С. 39–51 (здесь с. 45).

⁷³ *Його ж.* Про грошовий обіг на Галицько-Волинських землях у першій половині XIV ст. // УІЖ. – Київ, 2016. – № 1. – С. 38–49 (здесь с. 41); *Миська Р. Г.* Нові знахідки “болярських” пернів // Тези доповідей III Міжнародної наукової конференції “Пам'ятки Тустані в контексті освоєння Карпат у доісторичну добу та в середньовіччі; проблеми їх збереження та використання”. Львів-Урич, 7–8 квітня 2016 року. – Львів,

монетного серебра церковные организации, не обремененные ордынским налогом⁷⁴, могли аккумулировать финансовые средства для собственного развития. Именно они и были пущены на изготовление Свято-Юрского колокола.

Мы недостаточно знаем о времени и обстоятельствах отливки колоколов на территории Восточной Европы. Однако знакомство с опубликованными колокольными надписями, содержащими указания на день и месяц их изготовления, не позволяют выявить какого-либо предпочтительного времени года. Здесь фигурируют такие месяцы как январь, март май, август, сентябрь, декабрь⁷⁵. С учетом известного нам письма старосты Руськой земли Дмитрия Дядко, правильно считать, что колокол святого Юра был отлит во второй половине 1341 – начале 1342 г.

При этом нельзя не обратить внимание на важное для Восточной Европы временное совпадение. В 1340-е годы здесь отливают колокола не только во Львове, но и Новгороде и Москве. Под 1342 г. Новгородская летопись сообщает: “повеле владыка Василий слить колокол велик к святой Софии и привезе мастера с Москвы, человека добра именем Бориса”⁷⁶. Четыре года спустя, в 1346 г. “на Москве князь великий Симеон Иванович и з братьею своею Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем слиаша три колокола больших, а два меньших, и лил их мастер Борис Римлянин”⁷⁷. Некоторые исследователи полагают, что в 1340-е годы в Москве уже имелся “крупнейший на Руси центр литейного дела”, “работал (хотя бы эпизодически) литейный двор и возглавлял его выдающийся европейский мастер с русским именем, возможно, западнославянского происхождения”⁷⁸. Делались попытки уточнить время приезда европейского мастера Бориса Римлянина в Москву. Так, Евгений Голубинский считал период 1338–1342 гг. временем “водворения литейного колокольного дела” в это городе⁷⁹. Нижняя дата определялась летописным сообщением 1339 г. о том, что после казни в Орде тверского князя Александра Михайловича и его сына Федора “князь велики Иван Данилович Калита взял из Твери колокол от церкви святого Спаса на Москву”⁸⁰. Историк объяснял это решение тем, что в то время московский князь еще не имел своего колокольного мастера.

Однако, учитывая противостояние тверских и московских Рюриковичей, стоит признать, что в данном случае мы имеем дело со средневековым жестом, символически и ритуально унижающим поверженного противника, где колокол выступает как персонификация города. Это, как кажется, понимал уже

2016. – С. 67–70; Мусин А. Перстни с изображением птицы в Галицко-Волынской земле XIV в.: к вопросу о происхождении и интерпретации // Тези доповідей... – С. 70–74.

⁷⁴ Ср.: Берест В. А. Археологічні дослідження давнього монастирського комплексу в Уневі 2000 р. // Археологічні дослідження Львівського університету. – Львів, 2000. – Вип. 4. – С. 267–290.

⁷⁵ Бондаренко А. Ф. История колоколов... – С. 205–253 (особ. с. 209–210, 224, 226).

⁷⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Изд. А. Н. Насонов. – Москва; Ленинград, 1950. – С. 354 (6850 [1342]).

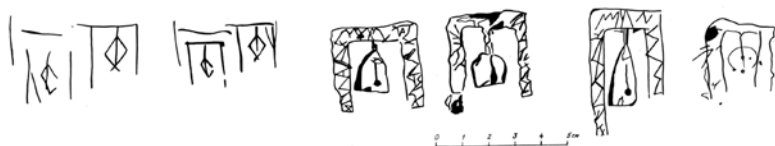
⁷⁷ Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью //

ПСРЛ. – Санкт-Петербург, 1885. – Т. 10. – С. 217 (6854 [1346]). Ср.: Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. – Санкт-Петербург, 1856. – Т. 7. – С. 210 (6854 [1346]): “Того же лета на Москве слиты быша 3 колоколы больших да два малых: а лил мастер Бориско”.

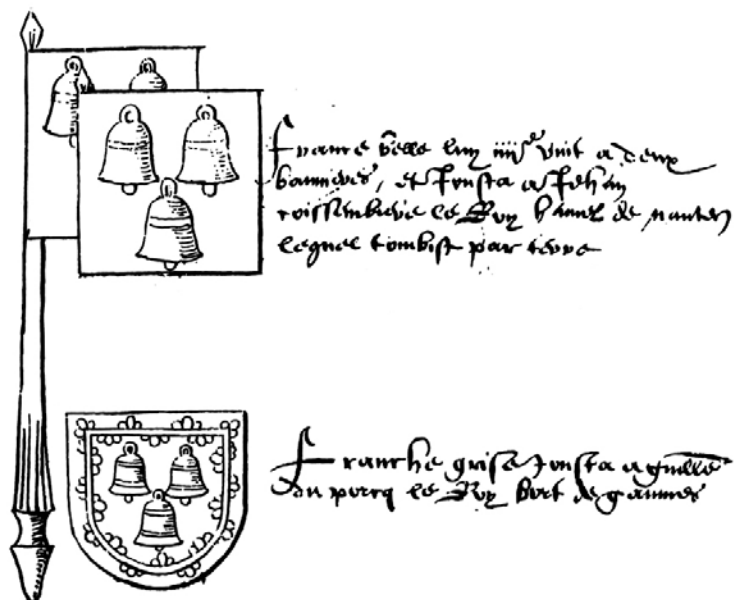
⁷⁸ Кавельмахер В. В. Большие благовестники Москвы XVI – первой половины XVII века // Колокола: история и современность – 1990. Сборник статей / Отв. ред. Б. В. Раушенбах. – Москва, 1993. – С. 75–118 (здесь с. 78).

⁷⁹ Голубинский Е. Е. История русской Церкви. Период второй, Московский. – Москва, 1904. – Т. 2, ч. 2. – С. 385.

⁸⁰ Летописный сборник... – С. 211 (6847 [1339]).

Граффити с изображением колоколов: фотография и прорись. Конец XII–XIII в., церковь св. ап. Иоанна Богослова, Луцк, Украина. Раскопки М. В. Малевской, 1986 г. НА ИИМК РАН

Геральдические изображения колоколов на гербе и хоругви в рукописи 1330 г. из Турне, Королевская библиотека, Брюссель, Бельгия, MS 7383 (no: Armorial des XXXI rois de Tournai – F. 23, 24)

Николай Карамзин, который полагал, что новые тверские правители Константин и Василий Михайловичи в знак своей зависимости от князя Ивана “должны были отослать в Москву вещь по тогдашнему времени важную: соборный колокол отменной величины, коим славились Тверитяне”⁸¹.

Таким образом, мастер Борис должен был появиться в Москве до 1342 г. безо всякой связи с “московской” ссылкой тверского колокола. В этой связи трудно преодолеть исследовательское искушение приписать Борису Римляину и изготовление Свято-Юрского колокола 6849 г., после чего, зарекомендовав себя как “человек добр”, он и был приглашен в Москву и Новгород. Впрочем, нам кажется более логичным иной исторический сценарий: европейские мастера, изготавлившие колокола новых “готических” форм, появляются в крупных церковно-политических центрах Восточной Европы практически одновременно. Это объяснялось, по нашему мнению, конвергентностью развития восточноевропейских обществ, их вниманием к европейской литургической моде, вбиравшем в себя появлявшиеся новшества, определенным экономическим подъемом княжеского и церковного хозяйства середины XIV в., а также расширением европейских рынков сбыта ремесленной продукции, сопровождавшимся миграцией мастеров. Отметим, что именно в это время в Западной Европе происходит активное становление колоколотейного дела в новых формах, запечатлевшее себя в конкретных экземплярах *in situ* и в музейных коллекциях. Так, в Лондоне известен колокол мастера Петра де Вестона из аббатства Блэкмор, отлитый около 1340 г.⁸²

Чтобы завершить тему обстоятельств создания колокола святого Юра, обратимся к известным нам изображениям колоколов той эпохи. Образы колоколов, отлитых в Москве в 1346 г., сохранились только в миниатюрах XVI столетия⁸³, в силу чего не могут являться историческим источником. Наиболее географически и территориально близкими оказываются граффити, запечатлевшие колокола на стенах собора святого Иоанна Богослова в Луцке, которые могут быть датированы концом XII–XIII вв.⁸⁴ (рис. 4). Интересно, что здесь представлены колокола разных форм, что, возможно, должно восприниматься датирующим признаком и отражением смены литургической моды в XIII в. Второй особенностью является графическая передача их крепления на п-образных, очевидно, деревянных звонницах. Изображения хомута и оцепы не прослеживаются, хотя их “отсутствие” можно объяснить схематичностью рисунка. Стоит предположить, что изначально колокол святого Юра мог находиться на подобной открытой звоннице. Столь же схематичны и геральдические изображения колоколов на гербах и хоругвях дворян из Турне из рукописи 1330 г. Королевской библиотеки в Брюсселе (MS 7383)⁸⁵, хотя они полнее передают профиль колоколов той эпохи (рис. 5). Колокол святого Юра продолжает оставаться уникальным источником визуальной информации о европейских колоколах 1340-х годов.

⁸¹ Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12-ти томах. – Москва, 1992. – Т. 4. – С. 139.

⁸² Weston Peter de. “Church Bell of Blackmore Priory” // *Medieval London*, accessed August 20, 2018, <http://medievallondon.ace.fordham.edu/items/show/37>.

⁸³ См.: Бондаренко А. Ф. Колокола на миниатюрах Лицевого летописного свода

XVI в. – Москва, 2014.

⁸⁴ Ср.: Хілько М. Давньоруські графіті церкви Івана Богослова в Луцьку // *Старий Луцьк: Науково-інформаційний збірник*. – Луцьк, 1998. – С. 162–163; Терський С. В. *Лучеськ X–XV ст.* – Львів, 2006. – С. 191, 188. – Рис. 163.

⁸⁵ *Armorial des XXXI rois de Tournai* / Ed. M. Popoff // *Documents d'héraldique médiévale*. – Paris, 2008. – Vol. 8. – P. 36. – No 105, 101.

4. Колокол святого Юра “изнутри”: химический состав металла в контексте меднолитейного производства позднесредневековой Европы

В начале 1980-х годов в лаборатории Института истории материальной культуры РАН, в то время – Ленинградского отделения Института археологии был произведен анализ химического состава металла Свято-Юрского колокола⁸⁶. Результаты анализа представлены следующим процентным соотношением элементов: Cu – 72,5%, Sn – 18,0%, Pb – 2,0%, Zn – 0%, Ag – 0,11%, As – 0,8%, Bi – 0,11%, Sb – 6%, Fe – 0,4%, Co – 0,018%, Ni – 0,06%. Как видно из приведенной последовательности, сумма примесей чрезвычайно высока – 7,49%, что достигается, в основном, за счет рекордно высокого содержания сурьмы – 6%. Нам остается неизвестным, как именно и из каких частей колокола Татьяна Шашкина брала пробы для исследования. Однако сохранившиеся в ИИМК РАН архивные материалы, в том числе фотопластинка № 526-27 со спектрами, полученными в результате анализов, подтверждают достоверность представленных данных⁸⁷.

В компановочных публикациях, характеризующих химический состав бронзы колокола святого Юра, можно встретить утверждение об увеличении при посредстве повышенного содержания сурьмы пористости и крупнокристалличности сплава, что снижает акустические характеристики колокола. Это утверждение неверно. Сурьма является естественной примесью меди и свинца и ее присутствие в сплаве приводит к плотности отливки, а не к образованию раковин. Высокий процент сурьмы в колокольной бронзе Свято-Юрского колокола может объясняться стечением обстоятельств или отражать местный региональный характер меди⁸⁸, тем более, что колокола XVI в. из Старого Самбора, домниканского и бернардинского костелов во Львове также характеризуются повышенным содержанием сурьмы (2,5%, 1,3% и 1,6% соответственно).

Однако 6% сурьмы – рекордно высокие. Возможно ли предложить верифицируемые гипотезы, объясняющие обстоятельства и происхождения сырья для колокола святого Юра? Так, в обстоятельном исследовании Елены Форшелл, посвященном добыче меди и меднолитейному производству в раннесредневековой Европе, высокий процент сурьмы колокола святого Юра отмечен, но никак не объяснен; при этом автор пребывала в полной уверенности, что Львов находится в России⁸⁹. Принято считать, что медь и медные сплавы в IX–XI вв. поступали в Восточную Европу из Прибалтики и Скандинавии⁹⁰, тогда как в XIII–XV вв. это сырье имело центральноевропейское происхождение. Здесь преобладал металл, добытый на землях Венгрии, в Восточных Альпах и Нижней Силезии, который через Краков и Данциг (польск.: Гданьск) поступал на

⁸⁶ Шашкина Т. Б., Галибин В. А. Памятники древнерусского колокольного литья: предварительные результаты химико-аналитического исследования // Советская археология. – Москва, 1986. – № 4. – С. 236–242.

⁸⁷ О методике исследований см.: Галибин В. А. Состав стекла как археологический источник // Труды Института истории материальной культуры. – Санкт-Петербург, 2001. – Т. 4. – С. 50.

⁸⁸ Благодарю за консультации аналитика ИИМК РАН А. Н. Егорькова.

⁸⁹ Forshell H. The inception of copper mining in Falun: relation between element composition in copper artifacts, mining and manufac-

turing technology and historic development with particular emphasis on copper from the Falu mine, Theses and papers in archaeology. – Stockholm, 1992. – P. 113, 117.

⁹⁰ Ениусова Н. В. Химический состав цветного металла из Гнездова // Исторический журнал: научные исследования. – Москва, 2016. – № 6. – С. 724–733.

⁹¹ Forshell H. The inception of copper mining in Falun. – P. 114; Ениусова Н. В., Сингх В. К., Стенанов А. М. Сырьевые слитки новгородских ювелиров // “Нескончаемое лето”. Сборник статей в честь Елены Александровны Рыбиной / Отв. ред.-сост. В. К. Сингх. – Москва; Великий Новгород, 2018. – С. 62–73 (здесь с. 71–72).

Балтику⁹¹. Однако процент содержания сурьмы в медном сырье, доступном изучению, обычно невысок. Так, для крупных слитков XV в. (12 и 17,8 кг), найденных в Новгороде, характерна химическая неоднородность: их основу составляет медь (80–92%) с примесями никеля (1–3%), мышьяка (0,5–5%), сурьмы (0,5–2%), олова (0,5%), свинца (до 1%), серебра (0,2–1%) и висмута (~0,5%)⁹². Мы видим, что содержание сурьмы существенно отличается от состава металла львовского колокола. Необходимо, однако, учесть, что исследованные слитки уже были специально приготовлены для продажи и последующего ремесленного использования.

В то же время в публикациях встречается утверждение, будто незначительный процент сурьмы (0,2–1,0 %) в колокольной бронзе может быть сознательной добавкой, улучшающей качество колокола, а для периода для периода 1150–1560 гг. этот процент мог даже составлять 3,3–3,94%⁹³. Такое разброс количественных показателей для достижения практических результатов представляется плохо объяснимым. В то же время существует убедительная серия анализов химического состава металла для позднесредневековой медной посуды больших форм, исследованной на памятниках Англии. Здесь процент сурьмы может достигать 4,9–6,1%⁹⁴, при этом и колокола, и медные котлы отливались в сходных условиях и в одних и тех же мастерских⁹⁵.

Очевидно, что речь может идти о разной степени очищения металла в целях производства соответствующих артефактов. Повышенный процент сурьмы в медном сырье Центральной Европы исследователи наблюдают уже с эпохи ранней бронзы, в том числе и до интересующих нас 6% на шахтах Велема в Восточных Альпах, сегодня на территории Венгрии⁹⁶. Появление медного сырья с высоким содержанием примесей на европейских рынках обычно связывают с упадком шахт в Фаллун в Швеции и началом разработки поверхностных руд в Венгрии и в Гарце⁹⁷.

Итак, использование для отливки Свято-Юрского колокола медного сырья, добытого в соседних с Львовской землей регионах, представляется логичным. Именно медь из Восточных Альп, Венгрии и Гарца обладала, как можно судить по результатам анализов, сходным химическим составом. Известно, что при подготовке сырья для литья мастера добывались необходимого уровня его чистоты,

⁹² Гайдукос П. Г., Олейников О. М. К вопросу об источниках сырья на новгородском рынке цветных металлов в XV веке // Новгород и Новгородская Земля: история и археология: материалы научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения Б. А. Колчина, Великий Новгород, 28–30 января, 2014 г. / В. Л. Янин (отв. ред.). – Великий Новгород, 2014. – Вып. 28. – С. 263–266; Их же. Новые археологические свидетельства новгородско-ганзейской торговли цветными металлами в XV веке // Труды IV (XX) всероссийского археологического съезда в Казани / А. Г. Ситдинов (отв. ред.). – Казань 2014. – Т. 3. – С. 238–241; Ениосова Н. В., Сингх В. К., Степанов А. М. Сырьевые слитки... – С. 66.

⁹³ Nadolski M. The Evaluation of Mechanical Properties of High-tin Bronzes // Archives of Foundry Engineering. – Warszawa, 2017. – Vol. 17(1). – P. 127–130; Audy J., Audy K. Analysis

of bell materials: Tin bronzes // China Foundry. – Shenyang, 2008. – Vol. 5(3). – P. 199–204.

⁹⁴ Dungworth D., Nicholas M. Caldarium? An antimony bronze used for medieval and post-medieval cast domestic vessels // Historical Metallurgy. – Northill, 2004. – Vol. 38(1). – P. 24–34.

⁹⁵ Butler R., Green C. English bronze cooking vessels and their founders 1350–1830. – Honiton (Devon), 2003. – P. 30.

⁹⁶ Niederschlag E., Pernicka E., Seifert T., Bartelheim M. The determination of lead isotope ratios by multiple collector ICP-MS, a case study of Early Bronze Age artefacts and their possible relation with ore deposits of the Erzgebirge // Archaeometry. – Oxford, 2003. – Vol. 45. – P. 61–100; Forshell H. The inception of copper mining in Falun. – P. 28, 148.

⁹⁷ Pollard A. M., Heron C. Archaeological Chemistry. – London, 1996. – P. 218.

достигаемого в процессе “выпаривания” примесей, в т.ч. и сурьмы. Значительный процент примесей в теле колокола святого Юра может свидетельствовать как о первых поставках такой меди на рынок, который еще не сориентировался в ее химических свойствах, так и о недостаточной квалификации мастера, не сумевшего добиться нужного качества металла для изготовления колокола.

5. Колокол святого Юра: источниковедческие возможности надписи

В заключительной части нашей статьи стоит вернуться к вопросу о надежности историографических сюжетов, связанных с колоколом как историческим источником. “Выходная” надпись колокола всегда являлась отправной точкой для многочисленных “ученых построений”. Однако существующие интерпретации зачастую не только превосходят источниковедческие возможности короткого текста, но и выходят за рамки гипотезы, превращаясь в “установленные исторические факты” локальной истории. Попробуем определить эти возможности и рамки.

Прежде всего, надпись свидетельствует об уровне мастерства и грамотности литейщика и писца. Ситуация, когда колокол отливался неграмотным мастером, а подпись делалась другим грамотеем, зафиксирована на протяжении Средневековья и Нового времени неоднократно. Так, она отражена в надписи на колоколе патриарха Никона 1666 г., отлитого для Ново-Иерусалимского монастыря под Москвой: “Лил колокол тояж обители монах Сергий, подписал монах Паисей”⁹⁸.

В истории Свято-Юрского колокола, мастер которого был, скорее всего, европейцем, не владевшим кириллическим письмом, разделение функций тем более очевидно. Отметим, что буква “зело”, непривычная человеку латинской культуры, в силу этого единственная оказалась не “перевернута” при изготовлении формы. Также нестандартностью надписи для европейских колоколов стоит объяснять тот факт, что мастер не сумел поместить ее в окружность. Особенности нанесения надписи от имени грамотея заставляют предположить, что Яков Скора не был сведущ в технологии нанесения надписей для отливки, отчего его автограф отразился зеркально. Это исключает любые рассуждения о “тайнописи”. Дополнительно заметим, что буквенная инвокация ІСХС НІКА, также неизвестная в латинской культуре и сделанная без учета на предстоящую оливку, была нанесена им самим без участия мастера как дополнительный элемент “православности” колокола, заимствованного из латинской культуры и изготовленного ее представителем. Таким образом, правы те исследователи, которые видят в Якове писца, а не литейщика, в зеркальности надписей – его неопытность в литейном деле, а в авторской подписи – самовольную прибавку⁹⁹.

Несколько слов стоит сказать о содержании надписи, прежде всего – исторических личностях, в ней упомянутых. Независимое подтверждение крестильного имени князя Любарта – Дмитрий делает несостоятельной гипотезу об упоминании в надписи Дмитрия Дядко, capitaneus Ruthenorum, который, в отличие от своего предшественника XIII в. Владислава Кормильчича, никогда себя не именовал князем¹⁰⁰. Признание за Любартом княжеского титула во

⁹⁸ См.: Золотов Ю. М. Колокол патриарха Никона // Советская археология. – Москва, 1964. – № 2. – С. 242–243.

⁹⁹ См., напр.: Уваров А. С. Галиция. – С. 36–38.

¹⁰⁰ Дискуссию см. в: Зубрицкий Д. И. Критико-историческая повесть... – С. 78–87; Езо

же. Аноним Гнезненский... – С. 83–84; Андрияшев А. М. Очерк истории Вольнской земли до конца XIV столетия. – Киев, 1887. – С. 210; Филевич И. П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие: Исторические очерки. – Санкт-Петербург,

Львов не позволяют уточнить характер осуществляемой им власти, хотя и несколько корректирует традиционные историографические представления о времени и обстоятельствах включения города в состав Польского государства в 1340-х годах, а также об определенном экономическом подъеме города в это время. В данном случае надпись является лишь хронологическим идентификатором, что не позволяет видеть в колоколе “памятник победы над королем Казимиром” или же полагать, что его могли отлить “в честь присоединения Львова к Литовской державе”¹⁰¹.

Столь же информативна оказывается надпись и в отношении ранней истории монастыря святого Юра. Оставаясь на строго научной позиции, это единственное раннее упоминание монастыря¹⁰² позволяет сделать лишь два умозаключения: в конце 1341–начале 1342 г. монастырь существовал и для его нужд был отлит колокол. Предположение, что в это время была построена новая, да еще и каменная церковь, основывается на дедуктивных допущениях, не являющимися доказательными. В их основе лежит содержащееся в письменных источниках повествование о взятии Львова королем Казимиром в 1340 г., где о судьбе города и тем более монастыря ничего не сообщается¹⁰³.

Современные исследования способны лишь проследить легендарную традицию “изобретаемой истории”¹⁰⁴, как она сохранилась в компилятивных рукописях XVIII в., именуемых обычно “Метрика” и “Хроника (Книга деяний)” монастыря святого Юра, содержание которых восходит к труду Бартоломея Змировича (1597–1677)¹⁰⁵. Именно оттуда сегодня заимствуется дата основания монастыря и постройки первой церкви святого Юра – 1280 г. Однако еще в 1779 г. специальный Императорско-королевский местный суд Галиции и Ладомерии признал эти сведения ничтожными для установления точно даты основания монастыря как непроверенные историками и не соответствующие хронологии¹⁰⁶.

Несмотря на то, что в литературе признается отсутствие известий о судьбе ранней церкви после 1340 г. в современных ей хрониках, бытующие мнения опираются на описанные выше реконструкции XVIII в. и предполагают, что именно для восстановленной или новопостроенной церкви после

1890. – С. 82; *Линниченко И. А.* Критический обзор современной литературы по истории Галицкой Руси // Журнал Министерства народного просвещения. – Санкт-Петербург, 1891. – № 5. – С. 160; *Грушевський М.* Історія України-Руси. – Т. 4. – С. 140–141; *Андрусяк М.* Останні Романовичі (нащадки Мстислава і Романа Даниловичів) // Науковий збірник КВУ. – Мюнхен, 1948. – Вип. 5. – С. 201–245; *Грицак П.* Галицько-Волинська держава. – Нью Йорк, 1958. – С. 151; *Петрик А.* Великий галицький боярин Дмитро Детко і його рід // Дрогобицький краєзнавчий збірник. – Дрогобич, 2009. – Вип. 13. – С. 33–44; *Волощук М.* Проблема васальної залежності Дмитра Детька від угорського короля Людовика I // Княжа доба: історія і культура. – Львів, 2012. – Вип. 6 / Відпов. ред. В. Александрович. – С. 269–279.

¹⁰¹ *Зубрицький Д. И.* Критико-историческая повесть... – С. 78–87; *Кіндратюк Б. Д.* Дзвонарська культура... – С. 193–194.

¹⁰² *Діба Ю.* Невикористані писемні свід-

чення про початки церкви св. Юра у Львові // Вісник Львівського університету. Серія мистецтвознавство. – Львів, 2005. – Вип. 5. – С. 151–159 (здесь с. 151).

¹⁰³ Обзор источников см. в: *Грушевський М.* Історія України-Руси. – Т. 4. – С. 22–30.

¹⁰⁴ *Діба Ю.* Невикористані писемні свідчення... – С. 151–159 (здесь с. 151).

¹⁰⁵ *Xięga Dziejów czyli Historie z Dyspozycji i Rozkazu Przewielebnych Przełożonych Prowincji Ruskiej Z. S. Bazylego W. w Monasterze Lwowskim pod tytułem S. Jerzego M. Dla pamiętki starożytności i dawności Tegoż Monasteru Zebrane i Spisane* // ЛННБ ВР. – Ф. 5 (Збірка Осолінських). – Оп. 1. – Стр. 2112/II; *Annales Leopolienses Monasterii S[ancti] Basillii 1763–1771 (Acta Monasterii Leopoliensis Ordinis S[ancti] Basillii Magni Tituli Sancti Georgii Megalomartyris. Annus X[r]is[t]i 1763)* // ЛННБ ВР. – Ф. 5. – оп. 1. – Стр. 2086/II.

¹⁰⁶ *Кулчинський О.* Акти... – С. 1082–1083.

гипотетического разорения Казимира был отлит интересующий нас колокол¹⁰⁷. Однако непредвзятое прочтение сохранившихся текстов свидетельствует, что сообщение о строительстве новой церкви в 1341 г. здесь непосредственно зависит от кириллической надписи на колоколе святого Юра 6948 г.¹⁰⁸

Представляется, что точно также от надписи на колоколе и последующий интерпретационных рассуждений зависит и “история” игумена Евфимия. Утверждение, что он был третьим игуменом монастыря в 1340–1364 гг., по нашему мнению, не имеет никакой ценности. Это – яркий пример симметричной “генерационной” интерпретации, некогда примененной составителем Повести временных лет для ранней истории Восточной Европы, не имевшей точной хронологии¹⁰⁹. Авторы хроник имели перед собой две даты: гипотетическую дату Б. Зиморовича – 1280 г., и дату взятия Львова королем Казимиром – 1340 г., тесно связанную с датой отливки колокола 1341/1342 гг. Источник третьей даты – 1363 г., строительства нового храма архитектором Доре, представляется неустановимым. Однако это не помешало хронисту нового времени, живущему средневековыми стереотипами, поделить первые 60 лет истории монастыря между “двумя игуменами”, что примерно соответствовало двум поколениям в 30 лет, а игумену Евфимию отдал следующую 20-летнюю генерацию – новый период монастырской истории. В действительности, все, что мы знаем о нем – его игуменство в 1341/1342 гг., когда и был отлит колокол святого Юра. Об этом, и только об этом нам и сообщает его “выходная надпись”.

Колокол святого Юра имел свою удивительную историю. Лишь ее незначительная часть приоткрыта для нас его надписью, особенностями химического состава металла, рамками допустимых гипотез. Однако зачастую эхо его звона в историографии оборачивается “медью звенящей” из послания апостола Павла (1 Кор. 13: 1) или известной поговоркой, выбранной нами в качестве эпиграфа к настоящей статье. Почтенная древность памятника налагает на историка дополнительные ограничения в виде правды и ответственности, не позволяющие выходить за рамки дозволенного надписью как историческим источником.

Институт історії матеріальної культури РАН

¹⁰⁷ Дуба Ю. Про архітектуру першої церкви св. Юра у Львові // Давня і середньовічна історія України (історико-археологічний збірник). На пошану Іона Винокура з нагоди його 70-річчя / Редкол. Л. В. Баженов та ін. – Кам'янець-Подільський, 2000. – С. 328–336 (здесь с. 331, ср. с. 333). Ср.: Zubrzycki D. Kronika miasta Lwowa. – Lwów, 1844. – S. 31.

¹⁰⁸ Ksiega dziejuw... – S. 80; Annales... – Арк. 26 зв.–27. Цит. по: Дуба Ю. Невикористані писемні свідчення... – С. 154.

¹⁰⁹ Ср. наблюдения в: Шахматов А. А. История русского летописания. – Санкт-Петербург, 2003. – Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 2: Раннее русское летописание XI–XII вв. – С. 6–18.